

Библиографические ссылки

1. **Бацевич Ф. С.** Основы коммуникативной лингвистики : підручник / Ф. С. Бацевич. – К. : Академія, 2004. – 344 с.
2. **Берн Э.** Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – СПб., 1994.
3. **Горелов И. Н.** Основы психолінгвістики : учеб. пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М. : Лабиринт, 2001. – 304 с.
4. **Карасик В. И.** Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : «Гнозис», 2004. – 379 с.
5. **Литвак М. Е.** Психологическое айкидо : учеб. пособие / М. Е. Литвак. – Изд. 7. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2007.
6. **Семенюк О.** Основы теорії мовної комунікації : навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. / О. А. Семенюк, В. М. Парашук. – К. : Ін Юре, 2009. – 276 с.
7. **Стернин И. А.** Анализ коммуникативных ситуаций / И. А. Стернин. – Воронеж, 1998.
8. **Стернин И. А.** Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001.
9. **Шмитт Э.-Э.** Евангелие от Пилата : роман / Э.-Э. Шмитт. – [пер. с франц. А. Григорьева]. – СПб. : «Азбука – классика», 2010. – 256 с.
10. **Яшенкова О. В.** Основы теорії мовної комунікації : навч. посіб. / О. В. Яшенкова. – К. : ВЦ «Академія», 2010. – 312 с.

Надійшла до редколегії 15.01.11

УДК 811.161.1'373.611

А. В. Мамрак

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ИНТУИЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Визначено місце інтуїції та категоризації в пізнавальній словотвірній діяльності людини, їхні зв'язки з такими поняттями, як інтроспекція, свідомість, мислення.

Ключові слова: словотвірна методологічна парадигма, мова, перцепція, апперцепція, інтуїція, інтроспекція, свідомість, мислення.

Определено место интуиции и категоризации в познавательной словообразовательной деятельности человека, их связи с такими понятиями, как интроспекция, сознание, мышление.

Ключевые слова: словообразовательная методологическая парадигма, язык, перцепция, апперцепция, интуиция, интроспекция, сознание, мышление.

In the article the location of intuition and categorization is determined in cognitive activity of a person, their copulas with such concepts, as introspection, consciousness, thought.

Keywords: word-formation methodological paradigm, language, perception, apperception, intuition, introspection, consciousness, thought.

Когнитивное словообразование, будучи одним из разделов когнитивной лингвистики, изучает вопросы, связанные с состоянием знания, пониманием, интерпретацией словообразовательных явлений. В когнитивной лингвистике функционирование словообразования рассматривается как один из аспектов отображения когнитивной деятельности, а когнитивные структуры сознания исследуются в рамках словообразовательного пространства [15, с. 170–173].

Успешность познавательной способности человека зависит от глубины мыслительной деятельности, от адекватности восприятия мира в сознании через посредство языка – факторов, определяющих степень объективности познания, сужающих пределы субъективной ограниченности познавательной деятельности индивида – интроспекции: интеллектуальная деятельность может осуществляться только на основе логических законов. Интроспективное познание не может не учитывать, что является десигнатом, влияющим на него при сохранении языкового тождества.

Процесс восприятия – перцепции – сопряжен с процессом понимания в единстве познавательного акта, поэтому функционирование языка не ограничивается актом перцепции и интроспекции (см.: В. Дорошевский, А. Вежбицка и др.).

Значение термина «восприятие» (перцепция) обнаруживает делимитативные точки на стыке с термином «понятие», ср.: *восприятие* – «2. Отражение в человеческом сознании действующих в данное время на органы чувств предметов и явлений материального мира, включающих в себя понимание (!) и осмысление (!) их на основе предшествующего опыта» [12, с. 216]; *понятие* – «1. Логически расчлененная мысль, отображающая общие и существенные признаки предметов и явлений действительности. ...2. Представление о чем-либо, осведомленность в чем-либо...» [11, с. 397]. В то же время оба термина объединяются осознанным отношением к предметам и явлениям объективной действительности, т. е. к миру, внешнему относительно субъекта, который постигается путем понимания, осмысления. Такое соотношение восприятия и понятия отмечал уже Декарт, который определял перцепцию как «*operatio intellectus*», подчеркивая, что «чувствовать, воображать и понимать – это только различные способы перцепции». Это высказывание Декарта сопоставимо известному афоризму Этихарма: «Разум видит, и разум слышит» (Цит. по: [5, с. 81]).

Понимание элементов действительности заключается в установлении их отношений к другим элементам действительности с помощью языка, обладающего специфической функцией расчленения окружающего мира и объединения его объектов в категории. «Слово и понятие, вообще категории языка и категории мышления, формы мысли и содержание мысли, априорное и опытное знание, интуиция и опыт, «наблюдение» и «концепт», вообще психическое и логическое – все эти дихотомии, выдвинутые с разных точек зрения и в разные эпохи, пересекаются в проблеме категорий, составляя ее сложное современное содержание», – утверждает Ю. С. Степанов [14, с. 36].

Характер постановки проблемы находится в соответствии с пониманием категории как наивысшего уровня обобщения, которое осуществляется в трех аспектах – восприятия (перцепции), мышления и языка. Такое понимание категории не противоречит ее традиционной интерпретации, согласно которой сущность категории заключается в отражении и обобщении предметов и явлений объективной действительности. На разных этапах развития лингвистики приоритетность отдается одному из аспектов исследования, ср.: язык и мышление (структурализм), язык и сознание (когнитивная лингвистика), язык и перцепция, язык и апперцепция, язык и интродукция, язык и интуиция (психолингвистика) и т. п.

В последнее время интерес к проблемам перцепции, интроспекции (психологии) языка приобретает характер максимы, правила, нормы лингвистического поведения, когда логические принципы исследования языка считаются заслуживающими всяческого порицания на том основании, что они в силу абстракции слишком далеки от естественного состояния языка (см. В. А. Звегинцев, Г. Г. Почепцов и др.).

Между тем амплитуда семантического содержания имени зависит от опыта говорящих (!) людей, основанного на осознанном наблюдении – апперцепции. Апперцепция отражает зависимость восприятия от прошлого опыта, от запаса знаний и общего содержания духовной жизни человека. В отличие от «бессознательных» перцепций (восприятий), апперцепция представляет осознанное восприятие [13, с. 50] (ср. действие апперцепции, обеспечивающее избирательный характер, обусловленный ассоциативными связями (ср.: *золотая цепочка* и *золотая осень*, где семантика прилагательного *золотая* ассоциируется с признаком «цвет»)).

Знания, основанные на апперцепции, обогащенные прежними интеллектуальными общечеловеческими достижениями, не следует отождествлять с интроспекцией – опытом, основанным на наблюдении внутреннего состояния сознания субъекта, которое имеет, следовательно, черты субъективизма. По определению, «интроспекция – изучение психических процессов (сознания, мышления) самим переживающим эти процессы» [13, с. 204].

Интроспективный анализ – метод, базирующийся на «самонаблюдении, изучении психических процессов на основании субъективного наблюдения собственного сознания, метод, требующий объективного контроля» [13, с. 204]. В работах А. Вежбицкой, вызвавших закономерный интерес широкой научной аудитории, интроспекция рассматривается как этап исследования, мало изученный, а потому требующий времени для обоснования места в современной научной парадигме. Однако цель метода – моделирование собственной лингвистической интуиции (!) представляется началом пути исследования, «исходным пунктом», а не завершающим этапом, «пунктом назначения», что подтверждается выдвинутыми аргументами в защиту интроспекции. Предвидя возможные возражения (почему лингвистическая интуиция отдельного лица должна представлять особый интерес или ценность? не лучше ли было бы изучать лингвистическую интуицию носителя языка вообще или «среднего» носителя языка?), А. Вежбицка пытается снять их следующими рассуждениями, воспринимаемыми далеко не однозначно, ср.: «Во-первых, исследователь имеет непосредственный доступ только к собственной интуиции, и лишь на этой основе он может изучать интуицию других людей. Во-вторых, я полагаю, что интуиции разных носителей языка практически совпадают. Таким образом, исследование и описание интуиции отдельного лица равносильно исследованию и описанию всех носителей языка» [3, с. 245].

Такое высказывание, на первый взгляд, не вызывает возражения. Однако возникают вопросы: у всех ли носителей данного языка одинаково развита интуиция? всем ли участникам определенной ситуации интуиция подсказывает выход из создавшегося положения? иначе говоря, все ли носители языка имеют нужную в данный момент интуицию?

В процессе речевой деятельности языковой материал может быть использован как стандарт не только для восприятия, хранения и передачи информации, но и для отображения и структурирования объективной действительности.

Ассоциируясь прежде всего с динамикой языка, познавательный речевой акт связан в то же время с представлением о статике, выступающей в качестве равнодействующей всех частных слагаемых, уравнивающих речевую деятельность в процессе познания окружающего мира. Элементами статическими являются системные принципы, «необходимые мысли в качестве опорных точек, как кораблю неподвижные створные знаки, соотношение которых указывает ему путь в порт» [5, с. 10]. Процесс познания в транспонировании на субъектно-объектное взаимодействие образно представлен в высказывании Декарта: «Пространством вселенная меня охватывает и поглощает как точку; мыслью я ее охва-

тываю» [18, с. 32]. По мнению Витольда Доросевского, «размышление над вопросом, «познаваема ли действительность?», необходимо начать с его уточнения. Следует его дифференцировать, конкретизировать, определять правильные пропорции и посмотреть на него в свете тех размышлений, которые могут возникнуть у любого человека, когда он пытается понять, что такое «я», в чем отличие его «я» от того, что им не является, т. е. как складываются отношения между «я» и «не-я» [5, с. 12], между интроспекцией и сигнификацией.

Известная декартовская максима «*cogito ergo sum*» – «я мыслю, следовательно, я существую» включает в своем содержании и указание на субъект, и на возможность отождествления предикатов «мыслить» и «существовать»: *homo sapiens* – *homo loquens* (человек мыслящий – человек разумный).

Декарт наделял человека такими качествами, как умение отобразить, вычленять, представлять, чувствовать, а также понимать (!) и утверждать.

О роли «языка как целого» в познавательной деятельности человека писал В. Гумбольдт: «Для того чтобы человек мог воспринять хотя бы одно слово не как чисто чувственный раздражитель, а как артикулированное звучание, обозначающее некоторое понятие, он должен уже носить в себе язык во всей его полноте и цельности. В языке нет ничего единичного, каждый из его элементов проявляется только как часть некоторого целого» [17; цит. по: 5, с. 53–54].

Дж. Лич, не отрицая возможности использования знаний о языке, полученных путем интроспекции, приходит к выводу о том, что достоверность их определяется не зависимыми от говорящего факторами. Подвергая критике взгляд Н. Хомского на интуицию как на высший показатель объективности семантического описания, он писал: «Доверять субъективным данным так же опасно, как доверять бумажным деньгам: пока надежность этих денег не подвергается сомнению, у нас нет причины обращаться к иным видам валюты. Точно так же и лингвист, если потребуется, должен представить доказательства справедливости сделанных выводов; в противном случае нет никакой гарантии того, что факты, которыми, по его заявлению, он располагает, действительно имеют место» [9, с. 131].

В то же время, хотя роль интуиции в современной лингвистической парадигме ослаблена, по-прежнему от интуиционистской теории остаются актуальными две константы, которые приобретают характер апостериористических доктрин: 1) наличие не содержащихся в опыте элементов восприятия, образующих с результатами опыта единый образ (ср.: «Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта» [7, с. 105]; 2) обусловленная свойствами ментальности возможность типизации этого образа.

Признание аксиоматических утверждений (ср. определение прямоугольника, прямой линии и т. п.) – один из аргументов апостериористической теории, поддерживаемый идеей возможности мыслительной деятельности в отрыве от языка [1, с. 10–11]. Так, И. Кант, противопоставляя термин «форма содержания» и «материя содержания» (ср.: субстанция содержания / субстанция выражения, форма содержания / форма выражения Л. Ельмслева), писал: «Вполне возможно, что даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша собственная познавательная способность (только побуждаемая чувственными впечатлениями) дает от себя самой, причем это добавление мы отличаем от основного чувственного материала лишь тогда, когда продолжительное упражнение обращает на него наше внимание и делает нас способными к обособлению его» [7, с. 105].

Не разделяя позиций интуиционистов, Х. Карри предпринимает попытку обобщить черты изначальной интуиции: «(1) это мыслительная деятельность человеческого мозга; (2) она не зависит от языка; (3) интуиционистское построение не нужно связывать с каким-либо языковым выражением, и хотя язык необходим для сообщения результатов, этот язык может дать только несовершенное воспроизведение чистой мысли, которая одна лишь является точной; (4) она не может быть адекватно описана никакими заранее составленными правилами...; (5) она имеет априорный характер – в том смысле, что не зависит от опыта; (6) она имеет объективный характер и одинакова у всех мыслящих существ» [8, с. 30].

Таким образом, из когнитивной парадигмы не исключается возможность обращения к изначальной интуиции как базовой стадии процесса мышления: «Прямолинейное выведение всех свойств из внешнего объекта как раз и приводит зачастую к субъективизму и грубым заблуждениям» [6, с. 79] (ср. теории, отрицающие единство языка и мышления).

Однако трудно предположить, что человеческое наблюдение не ассоциируется с логическими правилами. Выступая против априоризма в языкознании, когда наблюдение (способ первичного отражения или его результат) воспринимается как условие, предшествующее опыту и стоящее вне его, А. Фулье в предисловии к книге А. Гюйо утверждал: «Свойства наших представлений в такой же мере нельзя признать априорными свойствами, априорными законами, априорными интуициями или априорными формами, в какой нельзя признать априорной ту форму, которую волна воды принимает в действительности» [4, с. 39]. Утверждение, что факт осознания категории меняет ее сущность, Ж. Пиаже сопровождает следующими разъяснениями: для ассоцианизма категории являлись бы «результатом повторных ассоциаций, ставших неразрывными» и, следовательно, приобретшими характер автоматизма, фразеологичности. Ж. Пиаже считал совершенно неприемлемой точку зрения на такие «неосознанные структуры», как на суммирование прошлого опыта [10, с. 605].

Взгляд на категорию как на итог многократных повторений опыта отражает этап исторического формирования категорий. Не случайно Фулье предостерегает от опасности принимать наблюдение или постоянный результат наблюдений за условие, которое стоит над опытом [4, с. 8].

Понимание элементов действительности заключается в установлении их отношений к другим элементам действительности с помощью языка, обладающего специфической функцией расчленения окружающего мира (ср. методику дескриптивистов, которые, отталкиваясь от звуковой стороны речи, акцентировали внимание на регулярных семантических признаках, определяемых тождеством смыслового восприятия информанта).

Кроме того, наряду со способностью делать выводы на основании наблюдений, человек может приходить к определенному умозаключению не основываясь на материале личного опыта. Так, в современном русском языке на производстве имен деятеля от глаголов с односложным корнем специализируются имена на =*щик* и =*тель*. Отглагольные имена на =*щик* образуются через посредствующее звено – имена на =*к(а)* или =*о*. Наличие промежуточного имени определяет направление словопроизводственного процесса. Каждая ступень деривации – это деривационный шаг в направлении к образованию слова. Дериват *заемщик* имеет в качестве производящего глагол *занимать*. Словообразовательная цепочка – *занимать* – *занимать* – *заем* – *заемщик*. Потенциально возможное **заниматель* так и остается на уровне потенции, уступив деривату *заемщик*. Наличие посредствующего звена *заем-о* определило направление словообразовательной валентности исходного глагола. Таким образом, человеку свойственны более сложные формы

получения и переработки информации, чем те, которые он приобретает путем наблюдений и восприятий.

Не только восприятие предметов и явлений материального мира, но и осознание их отношений и связей позволяет перейти от непосредственного чувственного опыта к отвлеченным понятиям, которые лежат в основе рационального, категориального мышления. Как справедливо утверждает Ю. С. Степанов, «слово и понятие, вообще категории языка и категории мышления, формы мысли и содержание мысли, априорное и опытное знание, интуиция и опыт, «наблюдение» и «концепт», вообще психическое и логическое – все эти противопоставления и дихотомии, выдвинутые с разных точек зрения и в разные эпохи, пересекаются в проблеме категорий, составляя ее сложное современное содержание» [14, с. 36].

Сущность категоризации окружающего мира предполагает зависимость процесса отображения от природы отображающей системы. По мнению Ф. Боаса, языки различаются «по группам идей», реализуемых с помощью фонетических единиц. Ограниченное количество фонетических групп, – по утверждению Ф. Боаса, – выражающих отдельные идеи, есть выражение того психологического факта, что множество различных индивидуальных опытов представляется нам в виде представителей одной и той же категории» [2, с. 114]. Предметом научного интереса, следовательно, является прежде всего система категорий отображения мира в языке. Посредствующим звеном перехода от наглядного опыта к отвлеченному выступает сознание. Высшим уровнем абстракции являются отвлеченные категории (апостериорные) – классы, полученные из опыта индивида (ср. аксиомы), и сущностные, обобщенно-рациональные категории.

Л. В. Щерба отмечал: «Нельзя забывать прежде всего о том, что все языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи концептами, в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физиологическом) нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции языковым материалом... Под этим аспектом я понимаю, следовательно, не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [16, с. 114–115].

Таким образом, очевидно, что процедура анализа производного слова должна исходить из непротиворечивого представления диффузии интроспекции и сигнификации.

Библиографические ссылки

1. **Афанасьева-Еренфест Т. А.** Геометрическая интуиция и физический опыт / Т. А. Афанасьева-Еренфест // Известия Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе. – Симферополь, 1928. – Т. 2, отд. 5. – С. 3–14.
2. **Боас Ф.** Введение к «Руководству по языкам американских индейцев» (Извлечения) / Ф. Боас // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 1. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва образования и науки РСФСР, 1960. – С. 114–125.
3. **А. Вежбицка.** Введение. Семантические примитивы / А. Вежбицка // Семиотика: [пер. с англ. В. З. Демьянкова]. – М.: Радуга, 1983. – С. 225–252.
4. **Гюйо М.** Происхождение идеи времени / М. Гюйо; [предисловие А. Фулье]; [пер. с франц.]. – М., 1899. – С. 5–28.
5. **Дорошевский Витольд.** Элементы лексикологии и семантики / Витольд Дорошевский. – М.: Прогресс, 1973. – 285 с.
6. **Дубровский Д. И.** Психические явления и мозг / Д. И. Дубровский. – М., 1971. – 386 с.
7. **Кант И.** Критика чистого разума / И. Кант: соч. в 6-ти т. – М., 1964. – Т. 3. – 544 с.
8. **Карри Х.** Основания математической логики: [пер. с англ.] / Х. Карри. – М., 1969. – 568 с.

9. Лич Дж. Н. К теории и практике семантического эксперимента : [пер. з англ. И. М. Кобозевой] / Дж. Н. Лич. – М. : Прогресс, 1983. – С. 131. – (Новое в лингвистике; вып. XIV. – С. 108–132).
10. Пиаже Ж. Логика и психология / Ж. Пиаже // Избранные психологические труды; [пер. с франц.]. – М., 1969. – 605 с.
11. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; [под. ред. А. П. Евгеньевой]. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 4. – 789 с.
12. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; [под. ред. А. П. Евгеньевой]. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 1. – 696 с.
13. Словарь иностранных слов. – 7-е изд. / [научн. ред. Г. С. Спиркин, И. А. Акчурина, Р. С. Карпинская]. – М. : Русский язык, 1979. – 621 с.
14. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
15. Штерн І. Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики. Енциклопедичний словник для фахівців з теоретичних гуманітарних дисциплін та гуманітарної інформатики / І. Б. Штерн. – К. : Артк, 1998. – 336 с.
16. Щерба Л. В. О тroyаком аспекте языкознания и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба. – Известия АН СРСР. Отделение общественных наук. – М., 1931. – 125 с.
17. Humboldt W. Uber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihrem Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. W. Von Humboldt's Gesammelte Werke, 6. Band. – Berlin, 1848. (Цит. по: [5, с. 53–54]).
18. Descartes. Discours de la methode. – Paris, 1960. (Цит. по: [5, с. 285]).

Надійшла до редколегії 14.01.11

УДК 811.112.2'38

Т. И. Манякина

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПЕРЕНОСНО-ОБРАЗНЫЕ СУЖДЕНИЯ В АФОРИСТИКЕ М. ФОН ЭБНЕР-ЭШЕНБАХ

Розглянуто прагмастилістичну специфіку образних афоризмів австрійської письменниці Марії фон Ебнер-Ешенбах.

Ключові слова: переносна образність, засоби переносної образності, тропи, метафора, персоніфікація, прагматорична інтенція, експресивний потенціал.

Рассмотрена прагмастилистическая специфика образных афоризмов австрийской писательницы Марии фон Эбнер-Эшенбах.

Ключевые слова: переносная образность, средства переносной образности, тропы, метафора, персонификация, прагматорическая интенция, экспрессивный потенциал.

The pragmatic and stylistic specification of the imaginary aphorisms of the Austrian writer Mary von Ebner-Eshenbah is under consideration.

Keywords: figurative imagery, figurative imagery means, figures of speech, metaphor, personification, pragmarhetoric intention, expressive potential.

Индивидуально-авторская манера создания образных формулировок в афористике представляет для исследователя неодноплановый интерес, поскольку она не только манифестирует собой один из аспектов авторского стиля, но и одновременно апеллирует к образности как типологическому признаку жанра; кроме того, её рассмотрение предоставляет обширный и яркий материал для тематически ориентированного лингвостилистического тренинга студентов-филологов.